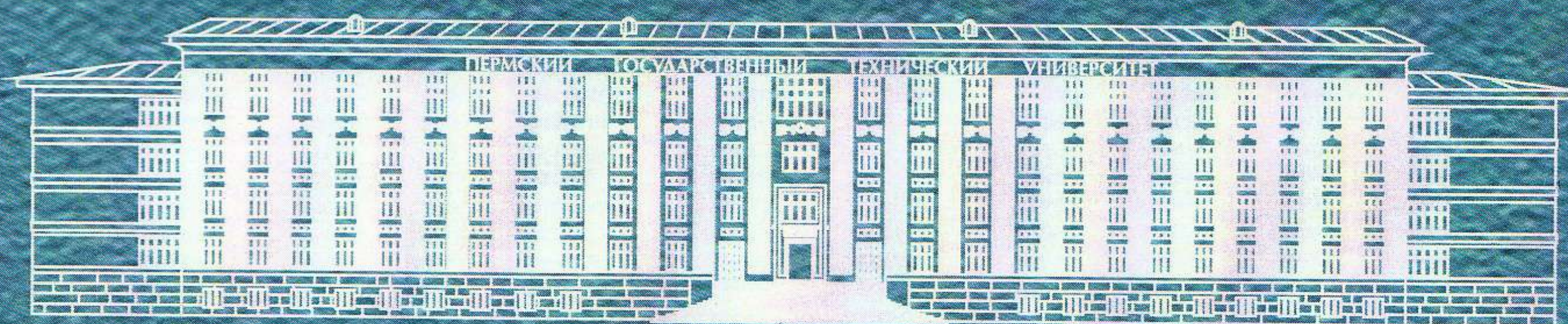

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОБЛЕМЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ
И ПЕДАГОГИКИ

№ 3 (19) 2009

УДК 81+81'25+378

ББК Ш 100.00+Ш105+Ш12-91+Ч481

П78

В сборник вошли статьи представителей трех научных направлений, сформировавшихся на кафедре иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского государственного технического университета: «Синергетическая лингвистика» (руководитель – профессор Н. Л. Мышкина), «Лингвофилософия вторичности дискурса» (руководитель – профессор Н. М. Нестерова), «Теория переводческого пространства» (руководитель – профессор Л. В. Кушнина).

Издание предназначено для специалистов, преподавателей вузов, аспирантов и студентов, занимающихся проблемами общего и прикладного языкознания, теории перевода, лингводидактики.

Ответственный редактор

В. Н. Стегний, профессор, доктор социол. наук

Редакционная коллегия:

Т. С. Серова, профессор, доктор педагогических наук (зам. отв. редактора серии);

Е. В. Аликина, доцент, кандидат педагогических наук (отв. секретарь);

Л. В. Кушнина, профессор, доктор филологических наук;

С. С. Назмутдинова, аспирант;

Н. М. Нестерова, профессор, доктор филологических наук;

Н. Л. Мышкина, профессор, доктор филологических наук;

Я. Н. Ронжина, аспирант;

М. У. Худайбердина, ассистент.

ISBN 978-5-398-00153-2

© ГОУ ВПО

«Пермский государственный
технический университет», 2009

Е. Л. Слови́кова	76
К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ	
О. А. Шевченко	84
РЕАЛИЗАЦИЯ ЭМОТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ТЕКСТЕ	
ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА И ПЕРЕВОДА	
Н.М. Нестерова	88
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ВТОРИЧНОСТЬ КАК ПРИЗНАКИ СОВРЕМЕННОГО ДИСКУРСА	
И. А. Баринова, Н. М. Нестерова	97
СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА И ЕГО ЦЕЛЬНОСТЬ	
А. А. Вахрушев	106
ЯЗЫКОВАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СПОСОБ ВУАЛИРОВАНИЯ ИНТЕНЦИИ АДРЕСАНТА	
И. В. Войнич	111
«ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ» В. ШЕКСПИРА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	
И. Н. Григорьев	121
ЛИТЕРАТУРНЫЙ БИЛИНГВИЗМ В. НАБОКОВА: СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЯ	
К. В. Иванова	128
ПРОЗАИЧЕСКИЙ И СТИХОТВОРНЫЙ ПЕРЕВОД ПОЭЗИИ КАК РАЗЛИЧНЫЕ МЕТОДЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОРИГИНАЛА	
Д. М. Калугина	134
К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА КАЛАМБУРОВ	
Я. Клоц	140
О МЕЖЪЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ПОЭЗИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ	

Н. В. Корюкина	151
О ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА КОМИЧЕСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ)	
К. В. Макарова	158
ЛИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ	
А. М. Маркарян	165
ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОЦЕССЕ ВОСПРИЯТИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА: ПРЕСУППОЗИЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	
Э. В. Поздеева	173
ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВО: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ	
Э. А. Пулина	178
ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВО КАК ЭЛЕМЕНТ ИДИОСТИЛЯ АВТОРА: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ЕГО ПЕРЕВОДА	
Э. В. Хеллстерн	187
ЯВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В СОЗДАНИИ И ПЕРЕВОДЕ МЕТАФОРЫ	
М. У. Худайбердина	195
ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПОЭЗИИ И. А. БРОДСКОГО: К ВОПРОСУ СТРУКТУРАЛИЗАЦИИ	
ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	
Л. В. Кушнина	202
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ – ПУТЬ К ГАРМОНИИ	
Э. Ю. Георгиева	212
К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ	
Э. Г. Гезчар	218
ЭТНОЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА	

Н. В. Корюкина	151
О ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА КОМИЧЕСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ)	
К. В. Макарова	158
ЛИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ	
А. М. Маркарян	165
ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОЦЕССЕ ВОСПРИЯТИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА: ПРЕСУППОЗИЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	
Е. В. Поздеева	173
ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВО: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ	
Э. А. Пулина	178
ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВО КАК ЭЛЕМЕНТ ИДИОСТИЛЯ АВТОРА: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ЕГО ПЕРЕВОДА	
Э. В. Хеллстерн	187
ЯВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В СОЗДАНИИ И ПЕРЕВОДЕ МЕТАФОРЫ	
М. У. Худайбердина	195
ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПОЭЗИИ И. А. БРОДСКОГО: К ВОПРОСУ СТРУКТУРАЛИЗАЦИИ	
ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	
Л. В. Кушнина	202
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ – ПУТЬ К ГАРМОНИИ	
Н. Ю. Георгиева	212
К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ	
Н. Г. Гончар	218
ЭТНОЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА	

Л. В. Енбаева	221
ДИНАМИКА СМЫСЛОВ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЛИРИКИ НОНСЕНСА: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
С. С. Назмутдинова	228
КАТЕГОРИЯ ГАРМОНИИ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ	
М. С. Силантьева	233
ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ	
И. Н. Хайдарова	237
ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ	
П. Р. Юзманов	242
ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В УСТНОМ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ	

Е. В. Поздеева

Пермский филиал Государственного университета
«Высшая школа экономики»

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВО: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ

Рассматриваются некоторые особенности процесса восприятия лексических окказионализмов.

Устойчивый интерес лингвистов к новым словам, наблюдающийся в течение нескольких столетий, в последнее время еще более усилился. Внимание гуманитарных наук (в том числе и лингвистики) направлено на языковую личность, стоящую за каждым текстом. Новое слово, по-видимому, представляет собой некий рефлексивный «мостик» в сознании человека, позволяющий решить некоторые проблемы, связанные с особенностями восприятия и понимания нового и получения выводного знания.

По мнению ученых-психолингвистов, новое слово дает возможность определить те процессы и механизмы восприятия, которые хотя и реализуются, но не осознаются человеком в его речевой практике. Оговоримся, что в определенной ситуации, в принципе, любое слово родного или иностранного языка может быть для человека новым. Таким образом, личностное значение слова, приписываемое ему отдельным человеком, не всегда охватывается дефиницией в толковом словаре конкретного языка. Скорее, это все то, что всплывает в памяти человека при восприятии слова.

Психолингвисты признают готовность человека считать любое высказывание осмысленным *apriori*. В. Б. Касевич, например, говорит о так называемой «презумпции осмысленности», а А. С. Штерн замечает, что «тяга к осмыслению проявляется даже в случаях предъявления испытуемым бессмысленного слогового материала» [3, с. 25]. Вероятно, «презумпция осмысленности» или «тяга к осмыслению» будут действовать и в случае встречи индивида (в письменной или устной речи) с окказиональным словом.

Окказиональное слово, как известно, представляет собой речевое лексическое новообразование, созданное автором для нужд определенного контекста. Очевидно, что, встречаясь с окказиональным словом впервые, человек вынужден приписывать ему тот или иной личностный смысл, то или иное личностное значение, опираясь при этом на так называемую языковую реальность индивида. Языковая реальность индивида – это его личный языковой опыт, приобретенный и приобретаемый им в процессе вербального общения в течение всей его жизни, и представляющий собой некий массив прецедентов, который охватывает фонетику, лексику и грамматику языка. Языковая реальность становится для носителей данного языка необходимой нормой, соблюдение которой обеспечивает сохранность языка и возможность им пользоваться.

Очевидно, что индивидуальный языковой опыт человека может быть непосредственно использован только тогда, когда актуальная ситуация полностью совпадает с прецедентной. Однако вряд ли такое совпадение может иметь место в случае встречи индивида с окказиональным словом, когда перед человеком стоит довольно специфичная задача – понять неизвестное.

Таким образом, идентификация значения слова, нового для воспринимающего субъекта, является достаточно сложным процессом, имеющим много общего с решением «плохо сформулированных задач», о которых говорит, в частности А. Г. Асмолов [1, с. 75]. Нечеткость «формулировки» задачи идентификации значения слова нивелирует многообразие форм познания и отображения действительности человеком и, главное, их взаимодействие при оперировании ими в процессе восприятия различного рода инноваций. Это позволяет человеку выбрать некую точку отсчета в созданной им же самим системе координат (ситуации, которую он создает и вербализует на основе своих индивидуальных знаний и опыта).

С целью выявления особенностей процесса восприятия окказионального слова нами был проведен эксперимент, в котором испытуемым предъявлялись 2 списка лексических окказионализмов – образованных по типовым словообразовательным моделям (список № 1), и окказиональных слов, образованных по нетиповым словообразовательным моделям (список № 2). Уточним, что предъявление слов вне контекста для нас не имело значения, так как, по существу, изолированность слова носит условный характер – «слово в качестве единицы внутреннего лексикона человека существует только в комплексе взаимосвязей с другими единицами лексикона и только так воспринимается человеком» [2, с. 83].

Разделение окказиональных слов по спискам в зависимости от их словообразовательных моделей было целенаправленно и представляло собой попытку установить, обнаружатся ли какие-либо различия в восприятии окказионализмов из разных списков.

Экспериментальное исследование состояло из двух этапов. На первом этапе испытуемые должны были указать, как, по их мнению, было образовано то или иное окказиональное слово-стимул. На втором этапе испытуемым предлагалось дать определение каждому окказиональному слову-стимулу. Такой подход мог позволить эксплицировать особенности восприятия новой информации и получения выводного знания.

Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что своеобразной точкой отсчета испытуемых становилось их согласие считать предъявленные им окказионализмы производными словами (80 % предложенных окказиональных слов воспринималось испытуемыми как производные). Это значит, что при восприятии данных слов актуализировался так называемый фактор D – деривационное значение слова. Данный факт объясняется следующим образом.

В узуальном слове фактор L (лексическое значение слова), вероятно, более силен в силу предметности его значения. Фактор D рассматривается как произвольный, как один из многих способов называния данной реалии. Слово становится узуальным в том случае, если на его появление оказали влияние внеязыковые факторы – возникновение новых понятий и реалий в результате развития науки, культуры и техники. Окказиональное слово является продуктом действия преимущественно внутриязыковых факторов. Оно создается либо как синоним уже существующих объектов действительности (с определенной коннотативной окраской), либо для обозначения несуществующих, выдуманных автором объектов. У окказионального слова акценты важности факторов L и D смещены: D становится если не абсолютным, то доминирующим. Среди реакций испытуемых на предложенные им окказиональные слова-стимулы были такие, в которых указывалось на намеренную неправильность написания узуального слова. В этом случае не делалось никаких выводов по поводу отнесения данных слов к производным или непроизводным, и в таблице количество данных реакций вынесено в отдельную колонку.

Второй этап эксперимента выявил множество вариантов значений предъявленных окказиональных слов (что, вероятно, свидетельствует о высокой энтропийности окказионализма), а также применение испытуемыми идентификационных стратегий, выделяемых учеными тверской психолингвистической школы [2]:

Мотивирующая стратегия: *динозавтрак* – завтрак; *морезонт* – море, зонт; *плачик* – плач и др. Сюда же в работе относятся случаи указания на неправильность написания уже существующего узуального слова: *думоход* – неправильное написание слова «дымоход»; *феерограф* – неправильное написание слова «иероглиф» и др.

Категориальная стратегия: *безванный* – грязный человек; *вдохновенная* – муза поэта; *вкресленный* – инвалид; *думоход* – философ; *шахматист* и др.

Стратегия установления связи на основании сходства звукобуквенного комплекса: *выЛЯЗГИвать* – танцевать *ЛеЗГИнку*; *МедНОРОЖий* – *Мёд На РОЖе* и др.

Словообразовательная идентификационная стратегия: *добротяга* – миляга; *плачик* – пальчик; *плачуга* – пичуга и др.

Стратегия прямой дефиниции: *вкресленный* – любитель посидеть в кресле с газетой; *плачуга* – ребенок, рыдающий навзрыд; *струнопись* – партитура произведения для арфы и др.

Стратегия отказа от идентификации выражалась в нулевом варианте значения того ли иного окказионального слова.

При этом при восприятии и осознании значения окказионального слова идентификационные стратегии необязательно использовались в их «чистом» виде; шла также и параллельная реализация нескольких идентификационных стратегий. Например: *думоход* – пароход, везущий членов *Думы* (сочетание словообразовательной стратегии и стратегии прямой дефиниции); *осочка* – растение, которое растет около города Сочи (сочетание категориальной стратегии, прямой дефиниции и стратегии сходства звукобуквенного комплекса); *осочка* – неудачный замах сачком (сочетание стратегии прямой дефиниции и стратегии сходства звукобуквенного комплекса) и др.

При анализе данных эксперимента были выявлены следующие особенности процесса восприятия и осознания значения окказионального слова. Окказионализм воспринимается как производное слово. Данная особенность процесса восприятия оказывает влияние и на осознание (приписывание) значения окказионального слова – количественный подсчет доказывает, что при этом снова актуализировался фактор D.

Данные эксперимента выявили также значительную роль различного рода ассоциаций и энциклопедических знаний в процессе восприятия и осознания значения окказионального слова. Например, *декабрь* – животное, у которого *10 жабр* (очевидно, в определении появилось числительное в связи с ассоциацией с латинским словом

«deset», которое переводится как «десять»); *динозавтрак* – грузовик для перевозки динозавров (из объяснения, данного испытуемым, следует, что ассоциации были связаны с английским словом «truck» – «грузовик»); *плачик* – мячик из стихотворения Агни Барто про Таню (ассоциации, очевидно, возникли в связи с детским стихотворением о девочке, которая плакала из-за упавшего в реку мяча); *феероглиф* – иероглиф, сделанный из железа (возможно, ассоциации связаны с принятым в химии обозначением железа с помощью символа Fe) и др.

В других случаях ассоциации не были эксплицированы и/или не прослеживаются. Например, *декабрь* – специфическая окраска лошадей или собак; *динозавтрак* – трава; *миноносица* – партийная дама эпохи 70-х годов; *феероглиф* – волшебная палочка и др.

Эксперимент подтвердил также гипотезу о том, что восприятие, осознание и интерпретация окказионального слова зависят от типа словообразовательной модели, согласно которой он был создан. Например, осознание значения окказионализма *волнолуние* шло по двум направлениям:

1) как слова, образованного путем словосложения (*волна + луна; волнение + луна*). Например: *отражение луны на волнах; чувство волнения при виде луны;*

2) как слова, образованного путем контаминации (*волна + полнолуние*). Например, *большие волны во время полнолуния.*

Итак, данный эксперимент достаточно убедительно доказал, что преобразование полученной человеком информации происходит в контексте его собственных языковых и энциклопедических знаний и языковые знаки «означают» не благодаря тому, что существует прямая связь между ними и внешним миром, а в силу того, что они соотносятся с человеческим опытом.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. Принципы организации памяти человека: системно-деятельностный подход к изучению познавательных процессов / А. Г. Асмолов. – М., 1985. – 103 с.

2. Тогоева С. И. Психолингвистические проблемы неологии / С. И. Тогоева. – Тверь, 2000. – 155 с.

3. Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности (экспериментальное исследование) / А. С. Штерн. – СПб., 1992. – 167 с.

Получено 09.04.2008